

УТВЕРЖДЕНИЕ НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ РАЗУМА

...По пыльной, выжженной солнцем дороге медленно бредет странная кавалькада: усталая тощая лошадь с непомерно длинным и худым всадником, ноги которого почти касаются земли, и пыльный ослик, с трудом несущий на своем хребте не в меру упитанного, круглолицего человека. Толстяк, смиренно потупивший взор, всем своим видом будто вопрошает: «Скоро ли можно будет, наконец, власть поесть, попить вина и поспать?» Глаза художавого всадника горят огнем неподдельного интереса ко всему окружающему — он едет в мир на поиски светлого, чистого, возвышенно-романтического, которое, конечно же, есть, есть на свете!

Дон-Кихот, герой, рожденный фантазией замечательного испанского писателя Мигуэля Сервантеса, и по сей день живет на сцене театров, в музыке, в живописи. Этот «один из самых трагических типов людей, переживших свой идеал» (по словам А. И. Герцена), памятен нам по гениальной сценической интерпретации Федора Шаляпина в опере Массне, по гравюрам-иллюстрациям французских художников Гюстава Доре и Оноре Домье, графике Кукрыниксов по рисунку Пабло Пикассо и по музыке Кара Караева — симфоническим гравюрам «Дон-Кихот».

Мне кажется, что каждому из названных выше художников близки главные черты того героя, которому посвятили они часть своего творчества. Иначе вряд ли были бы столь убедительны и искренни их творения. Вероятно потому, когда я думаю о Кара Караеве, прежде всего вспоминаю его музыку к фильму Г. Козинцева «Дон-Кихот» и созданную позднее на ее основе симфоническую сюиту. Эта музыка удивительно органично сочеталась с образами и идеями Сервантеса и в то же время привносила в действие нечто своеобразное помогающее нам понять позицию современного художника. В ней была какая-то неподдельная искренность, гонко сочетающаяся с умной иронией композитора, который и жалел, и глубоко понимал незадачливого правдоискателя.

И удивительно: создавая яркий образ неудачника-гидальго, композитор утверждал веру в торжество добра, разума, света. Ведь именно за это борется, в это верит печальный герой Сервантеса. Но именно так и

должен был «прочесть» сервантесовского героя наш современник, советский композитор Кара Караев.

Теме человеческого достоинства, протеста против возмутительного анахронизма — расовой дискриминации посвящена его балет «Тропоею грома», первый советский музыкальный спектакль о жизни Африканского континента; против мрачных сил феодализма, сковывающих малейшее проявление свободы мысли, воли, чувства, губящих любовь, поднимает он голос в симфонической поэме «Лейла и Меджун»; о народе — борьбе за свое счастье рассказывает Кара Караев в балете «Семь красавиц». «Недолговечно государство, в котором царит несправедливость, недолговечен и человек, совершающий несправедливость», — в этих словах азербайджанского поэта Низами (по сюжетам новелла которого и создавался балет) выражена идея произведения композитора.

Музыка Кара Караева, однажды будучи услышанной, властно влечет затем к себе, заставляет память вновь и вновь оживать напевы, образы, характеры. И это происходит потому, что композитор умеет говорить с нами именно о тех проблемах, которые волнуют нас сейчас, сегодня. Таков Кара Караев в своих симфониях и симфонических сюитах, романсах, многочисленных песнях, в своей музыке к театральным постановкам и кинофильмам.

И вот — Третья симфония, совсем недавно созданная композитором. Это повествование о трудностях и сложностях человеческих путей. Нет и не может быть сегодня легких, прямых дорог говорит композитор. Разум, интеллект, чувства нашего времени невероятно сложны и многообразны. Далеко не всегда поддаются они точному анализу. Но несомненно одно: разум работает во имя добра, справедливости и счастья. И вторжение тупых враждебных сил может лишь

временно помешать, но не приостановить это поступательное движение человечества...

...Настороженной, чуткой, будто ищущей мелодией открывается рассказ-симфония. И тотчас же будто «спотыкается» о некое препятствие на своем пути: назойливо, уверенно, даже назидательно прерывает ее аккордовая попевка, сильная, властная. Широкой кантаиной разливается новая распевная тема — высокая, парящая, наивно-чистая. И опять назойливо-властная мелодия сметает все на своем пути. Она удивительно напориста. Постепенно сжимаюсь, укорачиваясь, она «уплотняется» до одного аккорда — мучительно долго, болезненно упрямо долбается в одну точку. Это силы, противостоящие тому светлому началу, ростки которого пока лишь слабо заявили о себе. Но они есть, они живут! Подспудно, вначале едва слышно, они пробиваются сквозь ровный ряд однообразных, как прутья тюремной решетки, аккордов, набирают силу, утверждают... И вот звучит вновь начальная тема симфонии — теперь уже не столь робкая и ищущая, а будто напоенная соками борьбы и победы.

Кажется, что вторая часть симфонии уводит нас совершенно в иной мир образов. Нечто от шума ряженой, разноразличной толпы есть в разнообразных ритмах ашугских напевов, в какой-то суетливой поспешности сменяющих друг друга.

Все многообразие дел, забот, мыслей и чувств современного человека в этой музыке. Радость соседствует с печалью, смех со слезами, нежные, ласковые слова с грубыми окриками победы, достижения — с разочарованиями и неудачами... И все это кипит, колыхается человеческими эмоциями, страстями, все это напоминает разноголосицу и суту родного композитору восточного быта.

И вдруг мы ощущаем: за «суматохой дел и явлений» есть нечто большее — самое

дорогое, что каждый из нас прячет где-то глубоко в душе. Что это самое сокровенное? Горсть родной земли или береза у дороги? У каждого из нас есть это «свое». И мысли о нем приходят чаще всего тогда, когда трудно, когда это «свое» в опасности, когда нужно помочь, защитить. И тогда это «свое» превращается во всеобъемлющее понятие — «Родина».

Именно об этом, мне слышится, пост композитор в третьей части — лирическом адажио. Начавшись с чего-то очень частного, будто и небольшого, тема третьей части разрастается до высочайшего откровения, исповеди души художника. Вот почему возникает мысль о том, что это очень близкие понятия — «свое», очень индивидуальное для каждого из нас, и то общее, чем мы все живем, что олицетворяется в понятии «Родина».

Так вот о чем говорил композитор еще в первой части сталкивая противоборствующие начала! Вновь в финале симфонии возникают мелодии, близкие к знакомым уже темам первой части. Силы властной, жестокой мелодии-попевки еще не иссякли, она живуча. В самых разнообразных вариантах, в самых различных обликах появляется эта мрачная тема, каждый раз преграждая путь разумному, доброму. И все же оно побеждает. Широко, на полном дыхании, в каком-то умиротворенном размышлении, будто вслушиваясь сама в себя, будто ощущая в себе огромные крепнущие подспудные силы, звучит заключительная мягкая и мудрая кода симфонии, символизирующая вечность разума, интеллекта, доброй воли.

Третья симфония знаменует определенный этап в творчестве замечательного советского композитора Кара Караева. Она — плод длительных и глубоких творческих размышлений композитора, смелых экспериментов в сфере средств выражения, целесообразных поисков гармонического соответствия формы содержанию, замысла — воплощению. Симфония удивительно современна, и эта современность — отнюдь не внешнее ее качество, а свойство, обусловленное современностью мышления художника, его решимостью идти навстречу самым острым и глубоким проблемам времени

Д. РОМАДИНОВА.

8 ШЛБ 1966

Музыкальный фонд
С. МОСКВА